ОБЪЁМ ПОНЯТИЯ «ГЛАГОЛ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Ш.У.Нурбоева[1], Д.М.Бабакулова[2]

1. магистрант 1 курса Азиатского технологического университета
2. старший преподаватель кафедры языков Азиатского технологического университета, научный руководитель

Mas'ul muallif: Нурбоева Шохсанам Уктамовна, магистрант 1 курса Азиатского технологического университета.

e-mail: snurboyeva079@gmail.com

Received: 12 Noyabr 2026
Accepted: 17 Noyabr 2026
Published: 22 Noyabr 2026

Copyright: © 2026 by the author(s). Licensee Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi.

Iqtibos uchun: Нурбоева, Ш. У. ОБЪЁМ ПОНЯТИЯ «ГЛАГОЛ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ / Ш. У. Нурбоева, Д. М. Бабакулова // Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi. — 2026. — Т. 11, № 2. — В. 240–246.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о границах группы глаголов умственной деятельности и о критериях её классификации при сопоставлении русского и узбекского языков. Сравниваются подходы Л.М. Васильева, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна и Е.В. Падучевой, работы о фактивности и ассертивности П. и К. Кипарски, Л. Карттунена и Дж. Хупер, а также описание узбекского глагола у А.Н. Кононова и А. Хожиева. Показано, что тематические классификации, удобные для одного языка, при сопоставлении дают несовпадающие группы, поскольку узбекские глаголы мнения и знания (o'ylamoq, bilmoq, hisoblamoq) меняют значение в зависимости от конструкции. Предложена рабочая классификация по четырём признакам, к которым относятся тип ситуации (состояние, процесс, событие), фактивность, степень уверенности субъекта и способ оформления содержания мысли. Отдельно рассмотрены перенос отрицания, вводное употребление ментальных глаголов и узбекская конструкция с -ki, повторяющая русский порядок слов. Классификация служит основой для дальнейшего сопоставительного анализа на корпусном материале.

Ключевые слова: глаголы умственной деятельности, ментальные предикаты, пропозициональная установка, фактивность, полуфактивные глаголы, ассертивность, глаголы мнения, глаголы знания, перенос отрицания, сопоставительная семантика.

AQLIY FAOLIYAT FE'LI TUSHUNCHASINING KO'LAMI VA RUS HAMDA O'ZBEK TILLARIDA MENTAL FE'LLARNI TASNIFLASH TAMOYILLARI

Annotatsiya. Maqolada aqliy faoliyat fe'llari guruhining chegaralari hamda rus va o'zbek tillarini qiyoslashda bu guruhni tasniflash mezonlari ko'rib chiqiladi. L.M. Vasilyev, N.D. Arutyunova, Y.D. Apresyan va Y.V. Paducheva yondashuvlari, P. va K. Kiparski, L. Karttunen va J. Xuperning faktivlik hamda assertivlik haqidagi ishlari, A.N. Kononov va A. Hojiyev asarlaridagi o'zbek fe'li tavsifi bilan qiyoslanadi. Bir til uchun qulay bo'lgan tematik tasniflar qiyoslashda bir-biriga mos kelmaydigan guruhlar berishi ko'rsatiladi, chunki o'zbek tilidagi fikr va bilish fe'llari (o'ylamoq, bilmoq, hisoblamoq) konstruksiyaga qarab ma'nosini o'zgartiradi. Vaziyat turi (holat, jarayon, voqea), faktivlik, subyektning ishonch darajasi va fikr mazmunini ifodalash usuli kabi to'rt belgiga asoslangan ishchi tasnif taklif etiladi. Inkorning ko'chishi, mental fe'llarning kirish so'z vazifasida qo'llanishi hamda rus tilidagi so'z tartibini takrorlovchi -ki li konstruksiya alohida ko'rib chiqiladi. Tasnif korpus materialida olib boriladigan keyingi qiyosiy tahlil uchun asos bo'lib xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: aqliy faoliyat fe'llari, mental predikatlar, propozitsional munosabat, faktivlik, yarimfaktiv fe'llar, assertivlik, fikr fe'llari, bilish fe'llari, inkorning ko'chishi, qiyosiy semantika.

THE SCOPE OF THE NOTION “VERB OF MENTAL ACTIVITY” AND PRINCIPLES OF CLASSIFYING MENTAL VERBS IN RUSSIAN AND UZBEK

Abstract. The article discusses the boundaries of the group of verbs of mental activity and the criteria for classifying it in a Russian–Uzbek comparison. The approaches of L.M. Vasilyev, N.D. Arutyunova, Y.D. Apresyan and Y.V. Paducheva and the studies of factivity and assertion by P. and C. Kiparsky, L. Karttunen and J. Hooper are compared with the descriptions of the Uzbek verb by A.N. Kononov and A. Hojiyev. Thematic classifications that work for one language are shown to produce mismatching groups in comparison, since Uzbek verbs of opinion and knowledge (o'ylamoq, bilmoq, hisoblamoq) change their meaning depending on the construction. A working classification is proposed that rests on four features, namely the type of situation (state, process, event), factivity, the subject's degree of certainty and the way the content of thought is encoded. Negative raising, the parenthetical use of mental verbs and the Uzbek -ki construction, which reproduces the Russian word order, are considered separately. The classification is intended as a basis for further corpus-based comparison.

Keywords: verbs of mental activity, mental predicates, propositional attitude, factivity, semi-factive verbs, assertion, verbs of opinion, verbs of knowledge, negative raising, contrastive semantics.

Введение. Глаголы мнения и знания принадлежат к наиболее частотным единицам речи. Высказывание с таким глаголом сообщает о событии и одновременно о том, насколько говорящий уверен в своём сообщении (думаю, что…; знаю, что…; считаю, что…). По этой причине ментальные глаголы давно изучаются на стыке лексической семантики, логического анализа языка и прагматики, а в научном и публицистическом тексте именно они вводят аргументацию автора.

При сопоставлении языков первый вопрос состоит в том, что считать глаголом умственной деятельности. В русистике группа очерчивается по-разному, от узкого круга глаголов мышления до широкого класса, куда входят также глаголы памяти, воображения и эмоциональной оценки. В узбекском материале ментальные глаголы иногда описываются вместе с глаголами чувства и поведения. Так, в статье З.А. Элчаева, опубликованной в «Научном вестнике Бухарского государственного университета», o'ylamoq и ishonmoq приводятся в одном ряду с sevinmoq, hayratlanmoq и afsuslanmoq как глаголы поведения. Для описания морфологии и деривации такое объединение удобно, но если границы группы проводятся в двух языках по-разному, сопоставление сравнивает неравные множества.

Дополнительная трудность связана с тем, что русские и узбекские глаголы этой группы не совпадают по объёму значения. Узбекское bilmoq соответствует то русскому знать, то считать, то уметь, и выбор зависит от конструкции, в которой глагол употреблён. Классификация, построенная на лексеме, здесь перестаёт работать.

У вопроса есть и практическая сторона. При переводе научного текста с узбекского языка на русский сочетание deb hisoblaymiz передаётся то через считаем, то через полагаем, а bilamiz то через знаем, то через известно, и от выбора зависит, насколько категорично автор подаёт свой тезис. На занятиях по русскому языку в узбекских группах те же пары требуют объяснения, потому что граница между знанием и мнением в двух языках проходит по-разному.

Признаки фактивности и ассертивности разработаны в основном на материале английского и русского языков. К узбекским ментальным глаголам с учётом их конструкций они, насколько нам известно, последовательно не применялись, и в этом мы видим новизну предлагаемого подхода.

Цель статьи — определить объём понятия «глагол умственной деятельности» и предложить классификацию, пригодную для сопоставления русского и узбекского материала. Для этого сопоставляются существующие подходы к выделению группы, уточняются её спорные границы и отбираются признаки, применимые к обоим языкам. Статья представляет теоретический этап магистерской диссертации «Семантика и синтаксическая сочетаемость глаголов умственной деятельности в русском и узбекском языках».

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В русистике глаголы умственной деятельности описаны в нескольких традициях. Л.М. Васильев выделяет их как особый семантический класс в системе русского глагола наряду с глаголами восприятия, речи и эмоций и описывает этот класс через общий компонент «мыслительная деятельность» и дифференциальные признаки, разграничивающие подгруппы [8]. Внутри класса он различает глаголы мыслительного процесса и глаголы результата мыслительного акта, а ядерными для подгрупп считает представлять, полагать, решать, верить, понимать и ошибаться. Подход здесь тематический, поскольку группа определяется по сфере, о которой сообщает глагол. На той же основе В.Г. Гак построил систематизацию ментального поля, в которое у него входят слова разных частей речи [9]. Тематическое описание даёт полный перечень единиц, но мало говорит о том, как эти единицы ведут себя в предложении.

Логико-семантическая традиция ставит в центр не сферу, а тип отношения субъекта к пропозиции. Н.Д. Арутюнова противопоставляет знание и мнение как два типа ментальных состояний, различающихся отношением к истине и к личности субъекта [5; 6]. Мнение субъективно и допускает оценку, знание ориентировано на факт и от того, кто им обладает, не зависит. Отсюда разное поведение глаголов в диалоге. На реплику Я считаю, что он прав можно ответить А я так не считаю, и собеседники просто расходятся во мнениях. Ответ А я так не знаю невозможен, и несогласие со знанием приходится выражать спором о самом факте.

В книге «Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт» Н.Д. Арутюнова разводит понятия события и факта [5]. Событие происходит в определённое время и в определённом месте, а факт представляет собой истинное суждение о действительности и во времени не локализуется. Поэтому событие произошло вчера звучит нормально, а факт произошёл вчера нет. Для нашей темы различие важно, потому что фактивные глаголы присоединяют именно факты, и даже имя события при знать переосмысляется как факт (Я знаю о его приезде).

Эта линия продолжена в сборнике «Логический анализ языка. Ментальные действия», где ментальные действия рассматриваются в соотношении с ментальными состояниями. В нём Ю.Д. Апресян описал синонимический ряд с доминантой считать и разграничил его члены по характеру мнения и его основаниям [4], а Е.Р. Иоанесян классифицировала ментальные предикаты по типу суждений, которые они вводят [11]. Анна А. Зализняк рассмотрела думать, знать и понимать в кругу предикатов внутреннего состояния, куда входят и предикаты эмоций, и выделила в их значении эпистемический компонент [10]. Для нашей задачи отсюда следует, что глаголы эмоций можно описывать рядом с ментальными, не объединяя их в одну группу.

Отдельный круг работ посвящён фактивности. Е.В. Падучева показала, что фактивные глаголы (знать, понимать) и нефактивные (думать, считать) различаются презумпцией истинности придаточного, а Ю.Д. Апресян

разобрал проблему фактивности на материале глагола знать и его синонимов [3]. Падучева описала и другое свойство глаголов мнения. Они создают непрозрачный контекст, в котором замена имени другим именем того же лица может изменить истинность высказывания. Если Анвар думает, что автор «Минувших дней» родился в Ташкенте, из этого не следует, что он думает то же самое об Абдулле Кадыри, если не знает, что речь идёт об одном человеке. В зарубежной лингвистике это противопоставление сформулировали П. и К. Кипарски. Они установили, что фактивные предикаты сохраняют презумпцию истинности дополнения при отрицании и допускают конструкции, недоступные нефактивным, например сочетание с the fact that и герундиальное дополнение. Л. Карттунен отделил от собственно фактивных полуфактивные глаголы (discover, realize), у которых в вопросе и в условном предложении презумпция может сниматься.

Дж. Хупер соединила фактивность с признаком ассертивности, то есть с тем, утверждает ли говорящий содержание придаточного, и получила четыре класса предикатов, присоединяющих придаточное с that. Ассертивные нефактивные глаголы (think, believe, suppose) и ассертивные полуфактивные (realize, discover, know) противопоставлены у неё неассертивным нефактивным (doubt, deny) и неассертивным фактивным (regret, resent). Ассертивные предикаты допускают вводное употребление и вынос придаточного в начало предложения (The house is empty, I think). Для нашего материала это существенно, поскольку русские и узбекские глаголы мнения тоже легко становятся вводными.

Третья линия связана с системным описанием лексики. Ю.Д. Апресян рассматривает ментальные предикаты как часть языковой картины человека, в которой выделяются системы восприятия, физиологических состояний, желаний, мышления, эмоций и речи [2]. Толкование лексемы строится в этой традиции из более простых смыслов и дополняется сведениями о её синтаксических свойствах и синонимах [1]. Такой способ удобен для сопоставления, потому что толкование, записанное через простые смыслы, можно применить к слову другого языка и проверить, насколько оно подходит.

Классификация по типу ситуации восходит к работе З. Вендлера, разделившего глаголы на состояния, деятельности, свершения и достижения. Know и believe Вендлер относит к состояниям, а think рассматривает как глагол с двумя употреблениями, одно из которых обозначает состояние (think that), другое деятельность (think about). Е.В. Падучева развивает эту классификацию в системе таксономических категорий русского глагола. Для сопоставления языков важна и гипотеза А. Вежбицкой, включившей ДУМАТЬ и ЗНАТЬ наряду с ХОТЕТЬ и ЧУВСТВОВАТЬ в число семантических примитивов, у которых есть соответствия во всех языках. Если гипотеза верна, в узбекском языке должны найтись прямые соответствия этим примитивам, и естественные кандидаты на эту роль o'ylamoq и bilmoq. Проверка такого соответствия требует, однако, тех разграничений по конструкциям, о которых пойдёт речь ниже.

Узбекский материал описан преимущественно в грамматиках. А.Н. Кононов рассматривает deb, деепричастие глагола demoq, как средство введения чужой речи и мысли. А. Хожиев в монографии о вспомогательных глаголах показал, как сочетания с ko'rmoq, qolmoq, olmoq и другими глаголами передают характер протекания действия. Эти данные нужны для описания узбекских соответствий русским приставочным ментальным глаголам. В современных узбекских публикациях ментальные глаголы чаще рассматриваются в составе более широких классов, как в упомянутой статье З.А. Элчаева о глаголах поведения. Специального описания узбекских ментальных глаголов по логико-семантическим признакам (фактивность, тип ситуации, степень уверенности) в доступной нам литературе мы не нашли.

Русская группа, таким образом, описана подробно, но разными методами, которые дают несовпадающие границы. Тематический подход (Л.М. Васильев, В.Г. Гак) удобен для идеографического описания, логико-семантический (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева) объясняет синтаксическое поведение глаголов, системный (Ю.Д. Апресян) связывает одно с другим. Для сопоставления нужен набор признаков, который применяется к обоим языкам одинаково.

Методология исследования

Работа выполнена на первом, теоретическом этапе диссертационного исследования. Материалом служат глаголы и глагольные сочетания, отобранные по Большому толковому словарю русского языка [7] и «O'zbek tilining izohli lug'ati». В выборку включались единицы, в толковании которых есть компонент мыслительной деятельности, знания, мнения, памяти или воображения, а также узбекские сочетания имени с qilmoq и yuritmoq того же значения.

Анализ проводился в три этапа. Сначала сопоставлялись существующие классификации и выяснялось, какие признаки в них используются и на каких основаниях проводятся границы группы. Затем к отобранным единицам применялись диагностические тесты (таблица 1). Тест с отрицанием, восходящий к работе П. и К. Кипарски, разграничивает фактивные и нефактивные глаголы. Если истинность придаточного сохраняется при отрицании главного глагола, глагол считается фактивным. Тест с условным предложением и подлежащим первого лица выявляет полуфактивные глаголы в смысле Л. Карттунена. Подстановка одного глагола вместо другого в том же контексте (считаю, думаю, полагаю) показывает различия в степени уверенности, а для узбекских глаголов дополнительно использовалась замена конструкции с deb на причастную. На третьем этапе результаты сводились в классификацию, применимую к обоим языкам. Сопоставление велось от русского языка к узбекскому.

Таблица 1.

Диагностические тесты для глаголов умственной деятельности

Тест	Русский пример	Узбекский пример	Что выявляет
Отрицание главного глагола	Он не знает, что брат приехал	U akasining kelganini bilmaydi	фактивность
Условное предложение с первым лицом	Если я пойму, что ошибся, я извинюсь	Agar xato qilganimni tushunsam, uzr so'rayman	полуфактивность
Подстановка глагола	Считаю / думаю / полагаю, что он прав	U haq deb hisoblayman / o'ylayman	степень уверенности
Замена конструкции	Слышал, будто он уехал / Слышал, что он уехал	U ketdi deb eshitdim / Uning ketganini eshitdim	связь фактивности с конструкцией
Вводное употребление	Он, думаю, прав	Menimcha, u haq	ассертивность
Перенос отрицания	Не думаю, что он придёт	U keladi deb o'ylamayman	ослабленное мнение

Приведённые в статье примеры иллюстративные. Они составлены авторами по моделям, описанным в словарях и грамматиках. Проверка распределения этих моделей на материале Национального корпуса русского языка и параллельных переводных текстов составляет задачу следующего этапа работы.

Анализ и результаты

Начнём с границ группы. Отбирая глаголы, мы пользовались двумя критериями. Синтаксический требует, чтобы глагол мог присоединять пропозициональное дополнение, то есть придаточное с содержанием мысли (что-придаточное в русском языке, конструкцию с deb или с причастием и аффиксом принадлежности в узбекском). Семантический требует, чтобы в толковании глагола главным был компонент «знание или мнение субъекта о положении дел».

Одного синтаксического критерия недостаточно. Придаточное присоединяют и глаголы эмоций (радоваться, что…; quvonmoq), но они обозначают реакцию на уже известный факт, а не само знание. Поэтому глаголы эмоций мы относим к смежной группе, хотя знание и входит в их презумпцию. Глаголы памяти (помнить, вспомнить, забыть; eslamoq, yodda tutmoq, unutmoq) удовлетворяют обоим критериям и составляют периферию группы. Глаголы воображения (представлять; tasavvur qilmoq, ko'z oldiga keltirmoq) присоединяют пропозицию, но не предполагают оценки её истинности и занимают промежуточное положение. Отдельно рассматриваются ментальные употребления глаголов восприятия (Я вижу, что вы правы; Uning xafa ekanini sezdim «Я почувствовал, что он расстроен»).

Узбекское ishonmoq требует разграничения по конструкции. В сочетании с deb (U keladi deb ishonaman «Верю, что он придёт») глагол выражает мнение с высокой степенью уверенности и входит в ядро группы. С дательным падежом (Unga ishonaman «Я ему доверяю») он обозначает отношение к лицу и к ментальным глаголам не относится.

Глаголы памяти требуют отдельного замечания. Русский язык различает здесь состояние и событие видом и приставкой (помнить и вспомнить). В узбекском состояние памяти часто выражается не глаголом, а именем с аффиксом принадлежности в местном падеже (esimda, yodimda «помню», букв. «в моей памяти»), забывание описывается как выход из этого вместилища (esimdan chiqdi «забыл», esdan chiqarmoq «забыть»), а глагол eslamoq совмещает значения «помнить» и «вспоминать». Если включать в материал только глаголы, узбекская часть группы окажется беднее русской, хотя на деле язык просто выражает те же значения другими средствами.

Пример с ishonmoq подводит к вопросу о единице классификации. Узбекские глаголы мнения и знания меняют значение вместе с конструкцией, поэтому классифицировать приходится не лексему, а её значение, реализованное в определённой конструкции. Лучше всего это видно на bilmoq. Buning to'g'riligini bilaman значит «Знаю, что это правильно», Buni to'g'ri deb bilaman значит «Считаю это правильным», а U yozishni biladi значит «Он умеет писать». Первое употребление относится к знанию, второе к мнению, третье выходит за пределы ментальной группы. Сходным образом o'ylamoq обозначает процесс (Nima haqida o'ylayapsan? «О чём ты думаешь?»), мнение (U keladi deb o'ylayman «Думаю, что он придёт») и намерение (Ketishni o'ylayapman «Думаю уехать»).

Глагол hisoblamoq интересен тем, что повторяет русский путь развития значения. Его исходное значение «считать, подсчитывать», а в конструкции с deb он выражает мнение-оценку (Buni xato deb hisoblayman «Считаю это ошибкой»). Перенос от счёта к мнению известен и за пределами этих двух языков, ср. английское reckon. Возник ли он в узбекском языке самостоятельно или под влиянием русского, по синхронным данным установить нельзя, и вопрос требует исторической проверки. Общие механизмы, по которым у глагола складываются такие производные значения, описаны Г.И. Кустовой.

По типу ситуации глаголы группы делятся на обозначающие состояние (знать, считать, верить, помнить; bilmoq, hisoblamoq, ishonmoq), процесс (думать о чём-либо, размышлять; o'ylamoq, mulohaza qilmoq, fikr yuritmoq) и событие (понять, догадаться, вспомнить; tushunmoq в значении «понять», fahmlamoq, eslamoq) [17; 24]. В русском языке переход от одного типа к другому выражается видом и приставками (думать → задуматься, обдумать, придумать, додуматься, передумать). Узбекский язык использует для этого вспомогательные глаголы и устойчивые сочетания (o'ylanib qolmoq «задуматься», o'ylab ko'rmoq «обдумать», o'ylab topmoq «придумать, додуматься», fikridan qaytmoq «передумать») [19]. Следовательно, русскому приставочному глаголу может

соответствовать узбекская аналитическая конструкция, и её нужно включать в материал наравне с простыми глаголами. Узбекское tushunmoq совмещает состояние и событие, и различие между ними передаётся временем (Tushunaman «понимаю», Tushundim «понял»), тогда как русский язык закрепляет его за видом. Внутри узбекских глаголов понимания тоже есть различия. Anglamoq принадлежит скорее книжной речи и близок к «осознать», fahmlamoq ближе к «догадаться, смекнуть», а tushunmoq стилистически нейтрален, и в таблице 2 мы пока объединяем их в одну строку.

Русское думать и узбекское o'ylamoq повторяют двойственность английского think, отмеченную З. Вендлером [24]. Думать о работе обозначает процесс, думать, что он прав состояние. В узбекском различие поддержано падежом и служебными словами. Процессное значение требует послелога haqida или винительного падежа (ish haqida o'ylamoq, ishni o'ylamoq), значение мнения требует deb.

Тест с отрицанием делит группу на фактивные и нефактивные глаголы. В предложении Он не знает, что брат приехал истинность придаточного сохраняется, в предложении Он не думает, что брат приехал нет. Фактивны знать, понимать, догадываться, помнить, забыть, нефактивны думать, считать, полагать, верить, предполагать, сомневаться. Внутри фактивных глаголов пригодится разграничение Л. Карттунена [21]. Понять и узнать ведут себя как полуфактивные, и в условном предложении с подлежащим первого лица истинность придаточного уже не предполагается (Если я пойму, что ошибся, я извинюсь).

Для узбекских глаголов с причастной конструкцией тест даёт сходный результат (U akasining kelganini bilmaydi «Он не знает, что брат приехал»). У глаголов, допускающих обе конструкции, фактивность, по-видимому, зависит от конструкции. При deb содержание подаётся как чужое или непроверенное сообщение (U ketdi deb eshitdim «Слышал, будто он уехал»), при причастной форме как факт (Uning ketganini eshitdim «Слышал, что он уехал»). Русский язык выражает то же различие выбором союза (будто или что), узбекский выбором конструкции. Это наблюдение мы рассматриваем как гипотезу для дальнейшей проверки.

Нефактивные глаголы различаются степенью уверенности субъекта. Наиболее высока она у верить и быть уверенным (ishonmoq, amin bo'lmoq), ниже у считать (hisoblamoq, deb bilmoq), затем у думать и полагать (o'ylamoq) и ещё ниже у предполагать (taxmin qilmoq, faraz qilmoq). Сомневаться (shubhalanmoq, shubha qilmoq) выражает склонность считать пропозицию ложной. Различия внутри ряда считать, полагать, думать подробно разобраны Ю.Д. Апресяном [4]. Для перевода научного текста этот признак существен, потому что выбор между считать и полагать сообщает о позиции автора.

С глаголами мнения конкурируют модальные слова и формы. Русское Думаю, он уже пришёл по смыслу близко к Он, наверное, уже пришёл, и выбор между ними определяется тем, хочет ли говорящий назвать себя источником предположения. В узбекском предположение может выражаться и вовсе без ментального глагола, формой на -dir или сочетанием с kerak (U kelgandir, U kelgan bo'lsa kerak «Он, наверное, пришёл»). Поэтому при подсчёте ментальных глаголов в параллельных текстах часть русских думаю и полагаю окажется без глагольного соответствия в узбекском, и это нужно заранее учитывать при выравнивании.

С уверенностью связано явление, которое принято называть переносом отрицания. У глаголов мнения средней степени уверенности отрицание при главном глаголе понимается как относящееся к придаточному. Не думаю, что он придёт значит практически то же, что Думаю, что он не придёт, и так же ведут себя считать и полагать. У знать такого переноса нет. Не знаю, придёт ли он сообщает о незнании, а не о знании противоположного, и требует уже не союза что, а частицы ли.

В узбекском U keladi deb o'ylamayman в разговорной речи тоже понимается близко к U kelmaydi deb o'ylayman. При глаголе ishonmoq отрицание (U keladi deb ishonmayman) звучит как сомнение в том, что событие произойдёт. Насколько регулярен перенос отрицания в узбекском и зависит ли он от глагола, мы пока сказать не можем. Если различие подтвердится, оно станет ещё одним признаком, отделяющим мнение от знания в обоих языках.

Глаголы мнения в обоих языках легко становятся вводными, и здесь пригодится признак ассертивности Дж. Хупер. В русском вводными становятся думаю, полагаю, считаю в первом лице и устойчивые обороты по-моему, мне кажется. В узбекском им соответствуют menimcha, nazarimda, o'ylaymanki, а для знания существует оборот bilishimcha «насколько я знаю». Вводное употребление ослабляет утверждение, ср. Он прав и Он, думаю, прав, U haq и Menimcha, u haq. Для фактивного знать вводная форма в нейтральной речи нехарактерна. Узбекское bilishimcha сообщает не о знании как таковом, а об источнике и границах сведений говорящего и тоже ослабляет утверждение.

По морфологическому устройству русские глаголы группы в основном простые или приставочные. В узбекском значительная часть ментальной лексики представлена сочетаниями имени с глаголами qilmoq или yuritmoq, где именной компонент восходит к арабским и персидским заимствованиям (fikr qilmoq, fikr yuritmoq, mulohaza qilmoq, taxmin qilmoq, faraz qilmoq, tasavvur qilmoq). При классификации такие сочетания рассматриваются как единые лексические единицы.

Остаётся сказать о том, как оформляется содержание мысли. В русском языке оно вводится союзами что и будто, частицей ли или инфинитивом и следует за глаголом. В узбекском оно, как правило, предшествует глаголу и оформляется конечной формой с deb, причастием или именем действия с аффиксом принадлежности и винительным падежом (-ganini, -ishini) либо послелогом haqida.

Сам показатель deb по происхождению представляет собой деепричастие глагола речи (букв. «сказав»), и

это объясняет, почему конструкция с ним одинаково подходит для чужой речи и для мнения. Мысль подаётся в ней как сказанное про себя, без ответственности говорящего за истинность. Русский язык передаёт похожий оттенок частицами мол и дескать и союзом будто, но в позиции при глаголе мнения нейтральным остаётся союз что.

Есть и конструкция с -ki, при которой главный глагол стоит в начале, а содержание мысли следует за ним (O'ylaymanki, u keladi; Bilamanki, bu oson emas; Ko'ryapmanki, siz haqsiz). Порядок слов в ней совпадает с русским, и при переводе она передаётся почти дословно (Думаю, что он придёт; Знаю, что это нелегко; Вижу, что вы правы). Конструкция с -ki характерна прежде всего для книжной речи, и её распределение по глаголам нуждается в отдельном изучении. Результаты анализа сведены в таблицу 2.

Таблица 2.

Рабочая классификация глаголов умственной деятельности для русско-узбекского сопоставления

Группа	Русский язык	Узбекский язык	Тип ситуации	Фактивность
Мнение-оценка	считать, полагать	hisoblamoq, deb bilmoq	состояние	нефактивные
Мнение-предположение	думать (что), предполагать	o'ylamoq (deb), taxmin qilmoq, faraz qilmoq	состояние	нефактивные
Уверенность	верить, быть уверенным	ishonmoq (deb), amin bo'lmoq	состояние	нефактивные
Сомнение	сомневаться	shubhalanmoq, shubha qilmoq	состояние	нефактивные
Знание	знать	bilmoq (-ganini)	состояние	фактивные
Понимание	понимать, понять, догадаться	tushunmoq, anglamoq, fahmlamoq	состояние, событие	фактивные, полуфактивные
Память	помнить, вспомнить, забыть	eslamoq, yodda tutmoq, unutmoq	состояние, событие	фактивные
Вывод	решить (что), заключить	xulosa qilmoq, xulosaga kelmoq	событие	нефактивные
Ошибочное мнение	ошибаться	adashmoq, yanglishmoq	состояние	контрфактивные
Мыслительный процесс	думать (о), размышлять, обдумывать	o'ylamoq (haqida), mulohaza qilmoq, fikr yuritmoq	процесс	не применимо

Обсуждение

Предложенная классификация расходится с подходом, при котором ментальные глаголы входят в общий класс глаголов поведения. Для изучения морфологии и деривации такое объединение оправдано, однако при семантическом сопоставлении оно скрывает различие между знанием, мнением и эмоциональной реакцией, а это различие в обоих языках проявляется синтаксически. Отделение глаголов эмоций по доминирующему компоненту толкования позволяет его сохранить.

Классификация по лексемам, принятая в тематических описаниях [8], для русского языка в основном работает, потому что русские глаголы знания и мнения различаются корнями. Для узбекского языка она даёт пересекающиеся группы, и bilmoq оказывается одновременно среди глаголов знания и мнения. Перенос единицы классификации на уровень значения в конструкции снимает эту трудность и согласуется с практикой системного описания, где синтаксические свойства входят в характеристику лексемы [1].

Состав ядра группы у нас тоже отличается от того, что предлагает Л.М. Васильев [8]. В его перечне ядерных глаголов есть решать и ошибаться, которые в нашей классификации занимают особые места. Решить, что… обозначает событие, результат рассуждения, и по фактивности ведёт себя как глагол мнения (Он решил, что опоздал не гарантирует опоздания). Ошибаться интересен тем, что говорящий оценивает в нём чужое мнение как ложное (Он ошибается, думая, что успеет), то есть глагол оказывается контрфактивным. В узбекском этому значению соответствуют adashmoq и yanglishmoq, и их место в группе требует такого же разграничения. Обе строки внесены в таблицу 2.

Гипотеза о семантических примитивах получает на узбекском материале уточнение. Если считать соответствием примитиву ЗНАТЬ глагол bilmoq, его нужно брать в причастной конструкции, потому что с deb тот же глагол выражает мнение. Соответствием ДУМАТЬ в значении мнения оказывается o'ylamoq с deb, а не o'ylamoq с haqida. В узбекском, иначе говоря, примитиву соответствует не слово само по себе, а слово в определённой конструкции, и это согласуется с выбранной нами единицей классификации.

Связь фактивности с конструкцией в узбекском языке пока остаётся гипотезой, которую нужно проверить на текстах и опросом носителей языка. Если она подтвердится, противопоставление знания и мнения в узбекском окажется распределённым между лексикой и синтаксисом, тогда как в русском оно закреплено главным образом за лексикой и союзами. Для проверки, вероятно, понадобится и признак ассертивности Дж. Хупер, поскольку конструкции с deb и с причастием могут различаться ещё и тем, утверждает ли говорящий содержание придаточного от своего имени. Правда, не все тесты Хупер переносятся на узбекский язык. Вынос придаточного в начало предложения ничего не показывает там, где придаточное и без того стоит перед главным глаголом, и для

узбекского материала пригоден в основном тест с вводным употреблением.

Для преподавания русского языка в узбекских группах из сказанного следуют вполне конкретные выводы. Узбекское bilmoq нельзя переводить на русский одним глаголом, и учащемуся нужно правило выбора. Причастная конструкция передаётся через знать, что, конструкция с deb через считать или полагать, имя действия на -ish через уметь. Перенос отрицания и вводное употребление требуют отдельных упражнений, поскольку в обоих случаях буквальный перевод даёт грамматически правильную, но иную по силе фразу.

Выводы касаются и двуязычной лексикографии. Словарная статья bilmoq в узбекско-русском словаре удобнее строить не по отвлечённым значениям, а по конструкциям, указывая для каждой русское соответствие (-ganini bilmoq «знать, что», deb bilmoq «считать», -ishni bilmoq «уметь»). То же относится к o'ylamoq и ishonmoq. Пользователь такого словаря сразу увидит, что выбор русского глагола зависит от синтаксиса узбекской фразы.

Ограничение настоящей работы связано с иллюстративным характером примеров. Частотность выделенных моделей и их распределение в текстах предстоит установить на корпусном материале.

Заключение

Группу глаголов умственной деятельности для русско-узбекского сопоставления мы предлагаем ограничить глаголами, которые присоединяют пропозициональное дополнение и в толковании которых главным является компонент «знание или мнение». Глаголы памяти при таком подходе оказываются на периферии группы, глаголы воображения занимают промежуточное положение, а глаголы эмоций уходят в смежную группу, хотя описывать их удобно рядом с ментальными.

Классифицировать приходится не лексемы, а значения в конструкциях. Для русского языка это уточнение мало что меняет, для узбекского оно необходимо, потому что bilmoq, o'ylamoq, ishonmoq и hisoblamoq меняют значение вместе с синтаксическим окружением. Рабочая классификация строится по четырём признакам (тип ситуации, фактивность, степень уверенности, способ оформления содержания мысли), а перенос отрицания и вводное употребление служат дополнительными тестами, отделяющими мнение от знания. Морфологическое устройство единицы учитывается при отборе материала. Русскому приставочному глаголу (задуматься, придумать, передумать) в узбекском нередко соответствует аналитическая конструкция (o'ylanib qolmoq, o'ylab topmoq, fikridan qaytmoq), и при составлении корпуса такие конструкции нужно учитывать наравне с простыми глаголами.

Дальнейшая работа предполагает проверку классификации на материале Национального корпуса русского языка и параллельных текстов, а также проверку гипотезы о связи фактивности с конструкцией в узбекском языке. Результаты могут использоваться в курсе сопоставительной грамматики, на занятиях по русскому языку в узбекских группах и при составлении двуязычных словарей.

Список использованной литературы

[1] Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры; Восточная литература РАН, 1995. – VIII, 472 с.

[2] Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

[3] Апресян Ю.Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 43–63.

[4] Апресян Ю.Д. Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 7–22.

[5] Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

[6] Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

[7] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

[8] Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.

[9] Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 22–29.

[10] Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. – München: Otto Sagner, 1992. – 201 S. – (Slavistische Beiträge; Bd. 298).

[11] Иоанесян Е.Р. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 89–95